

И.И. Проскуров, П.В. Рычагов, Я.Г. Таубин, Г.К. Савченко, И.Ф. Сакриер, С.О. Склизков, Я.В. Смушкевич, Г.М. Штерн – руководство ВВС и работники ГАУ. Позднее, 23 февраля 1942 г., в г. Саратове были расстреляны остальные – П.А. Алексеев, Н.Н. Васильченко, К.М. Гусев, А.П. Ионов, Н.А. Ласкин, А.А. Левин, Е.С. Птухин, П.И. Пумпур, И.П. Сергеев, А.И. Филин, Э.Г. Шахт, П.П. Юсупов. Комбриги А.И. Залевский и И.И. Черный были отправлены в лагерь, где погибли в 1943 г. Были спасены единицы: по указанию Сталина приостановлена оперативная разработка маршала Г.И. Кулика, освобождены Б.Л. Ванников (будущий генерал-полковник, трижды Герой Социалистического Труда) и К.А. Мерецков (будущий маршал Советского Союза). Генерал-майор А.А. Туржанский был осужден только в 1952 г. к 12 годам лишения свободы. Судьбу комбрига А.И. Орловского проследить не удалось.

Подводя итог, можно сказать, что в начале Великой Отечественной войны из рядов армии были вырваны командиры высшего командного звена, в целом обладающие хорошим боевым и командным опытом. Конечно, не совсем верным будет утверждение некоторых историков, что в их работе не было недостатков и просчетов. Они были, что связано, прежде всего, с быстрыми темпами подготовки к войне. Всех командиров, кто безвинно погиб в 1941-1942 гг. можно было с успехом использовать на других, пусть и менее ответственных постах, где они бы, без сомнения, принесли большую пользу стране и народу.

Примечания

1. Суворов В. Очищение. М., 2002. С. 281.
 2. Черушев Н.С. Удар по своим. М., 2003; Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды. М., 2006; Печенкин А.А. О потерях советских генералов и адмиралов // ВИЖ. 2005. № 4.
 3. Черушев Н.С. Из ГУЛАГА - в бой. М., 2006. С. 162.
 4. Страна социализма: Календарь. М., 1941. С. 114.
 5. Сняк В.З. «Винным себя не признал...» // ВИА. 2005. № 8. С. 30-31.
- Монетчиков С. Триумф и трагедия Якова Таубина // Братишка. 2003. № 11. С. 30-32.

С.В. Рыбаков (Екатеринбург)

К вопросу о концептуальном освещении политических репрессий 1937 года

В отечественной историографии содержится целый ряд проблем, носящих полемический характер. К ним относится и проблема политических репрессий, имевших место в 1937 году. Причём полемичность этой проблемы почти не связана с её фактографической стороной. Начиная со второй половины 1980-х годов в периодике, монографических изданиях и различных сборниках опубликовано большое количество документальных источников, стенограмм, протоколов, а также воспоминаний и комментариев, освещающих события 1937 года. Объём опубликованной информации обеспечил историкам возможность более или менее свободно ориентироваться в фактографии 1937 года.

Сегодня среди историков нет принципиальных расхождений по поводу количественных характеристик репрессий 1937 года. «Мода» на оценочные по-

казатели прошла, политизированные или пропагандистские цифры, касающиеся жертв репрессий, в историко-научной литературе уже не используются. Фактически никем не оспариваются данные, приведённые известным московским специалистом по этой проблематике В.Н. Земсковым. Согласно им, в 1937-1938 годах в СССР было вынесено 681 692 смертных приговора [1].

Почти не дискутируются среди историков и такие аспекты темы, как методы политических репрессий и общественная атмосфера в 1937 году. Работа с источниками убеждает исследователей, что психологический климат в стране был тяжёлым и взвинченным, а борьба с «врагами народа» принимала жёсткие формы. Исторические источники оставляют мало пространства для полемики. К примеру, материалы, напечатанные в газете Уральского индустриального института «За индустриальные кадры», не оставляют сомнений относительно того психологического пресса, под которым оказался коллектив института. Происходившее в те дни наглядно характеризуют заголовки отчётов с институтских собраний: «Уничтожить фашистских лазутчиков», «Физически уничтожить гадов», «Мы будем беспощадно громить и корчевать» [2].

Относительно внешней стороны тех событий среди историков особых расхождений нет. Poleмика рождается, когда дело доходит до объяснения причин происшедшего и мотивации И. Сталина и его окружения. Даже беглое знакомство с исторической литературой, посвящённой 1937 г., свидетельствует о довольно широком спектре мнений и концептуальных трактовок причин политических репрессий.

В ряде случаев объяснение репрессий сводится к личным качествам Сталина. Так, Э. Радзинский утверждает, что первым импульсом для начала репрессий послужили итоги выборов в ЦК ВКП (б) на XVII съезде, когда 292 делегата проголосовали против избрания в этот орган Сталина. У генсека, по версии Радзинского, возникло желание наказать «трусливых двурушников»: «В тот день они проголосовали за собственную гибель. Сталин дал им некоторое время потешиться жизнью при социализме – он обдумывал, когда начинать и скольких из них нужно убрать. Из 139 руководителей партии, присутствовавших на съезде, только 31 человек умер своей смертью» [3].

Имеется в историографии интерпретация репрессий, базирующаяся на национальном факторе. К примеру, Г. Костырченко проводит мысль о том, что острие репрессий Сталин направил против евреев, находившихся в верхних эшелонах управления страной: «С 1 января 1935 по 1 января 1938 года представители этой национальности возглавляли более 50 % основных подразделений центрального аппарата внутренних дел, а к 1 января 1939 года – лишь 6 %» [4].

Принципиально иное толкование политики Сталина во второй половине 1930-х годов, нежели Э. Радзинский и Г. Костырченко, предложил в 60-е годы XX века историк-эмигрант Г. Вернадский. Он писал, что к началу репрессий наглядно проявились первые успехи проводимой в СССР индустриализации, было завершено строительство «жизненно важных промышленных объектов», «начали давать ощутимые результаты огромные усилия, направлявшиеся ранее правительством на изменение структуры аграрных отношений. Моральная обстановка в стране стала более уравновешенной. Лучше обеспеченные продук-

тами питания, воодушевлённые стремительными достижениями огромного значения, люди проникались духом грандиозных свершений».

Согласно концептуальной схеме Г. Вернадского, руководство Советского Союза, находящееся на платформе «построения социализма в одной стране», не собиралось останавливаться на достигнутом. Но успешной реализации его планов препятствовали те фракции в партии, которые хотели продолжать курс на «мировую революцию», опираясь на зарубежный пролетариат. Верхи же партии, отдав приоритет внутренним проблемам, за поддержкой обратились к народу собственной страны. По словам Г. Вернадского, «после ухода с политической арены Зиновьева и Троцкого на высокие посты в партийном и государственном аппарате пришли новые люди, которых больше интересовали вопросы практического управления, чем абстрактные теории... Борьба между сталинистскими и троцкистскими группировками закончилась расколом между новому настроенным поколением коммунистов и сторонниками интернационализма, принадлежавшими предыдущему поколению». Эта борьба не оставляла реальных возможностей для компромисса, который устроил бы всю партию – и старую ленинскую гвардию, и новых практиков-строителей. В условиях обострения международной обстановки необходимо было быстро избавляться от внутренних противоречий.

Но «Троцкий продолжал сосредоточивать свои интересы на развитии мировой революции. К этому времени подавляющее большинство российского народа было озабочено прежде всего своей собственной страной; политическая программа, предлагавшая лишь нескончаемую вовлечённость в зарубежные авантюры, не вызвала отклика. Сила Сталина была в его способности правильно оценить новые тенденции».

Г. Вернадский признавал, что репрессии проходили в «тяжёлой атмосфере страха, унижения и всеобщей подозрительности», что «по любому, даже самому незначительному, подозрению арестовывались тысячи людей, многие из которых спешно расстреливались». Однако при этом он делал примечательную оговорку: «В первые годы революции и Троцкий, и Зиновьев поддерживали красный террор, пока сами находились у власти, и на деле оправдывали крайние меры, включая даже захват заложников». Теперь же, «став жертвами кровавых репрессий, левые сочли необходимым протестовать против новой волны террора» [5].

Историки М. Горинов и Е. Дощенко, вслед за Р. Конквистом, назвали сталинские репрессии «большим террором», объясняя их логику тем, что выбранная модель индустриализации могла быть эффективной только в условиях жёсткой централизации экономического управления, названной административно-командной системой; в свою очередь, АКС не могла функционировать без «периодических перетряхиваний, чисток кадров партократии»: «Консолидация АКС требовала от партии иных качеств, чем в годы нэпа. Вместо аморфной, выросшей в атмосфере внутрипартийных дискуссий организации создаётся дисциплинированная, монолитная партия». Кроме того, «большой террор» был нужен сталинской власти для того, чтобы, «наказывая начальников, удовлетво-

рять у народа ущемлённое чувство социальной справедливости», а также «подавить сепаратизм, свести до минимума коррупцию» [6].

В.В. Кожин выразил мнение, что в условиях практического строительства, существенно отличавшихся от условий революции и гражданской войны, остро встал вопрос о кадровом обновлении партийного и государственного аппарата, поскольку выяснилось, что «психология старых большевиков» теперь принципиально неприемлема, ибо это психология людей, «выросших в условиях революционной борьбы, воспитавших в себе вечных оппозиционеров», это «психология не строителей, а критиков, разрушителей» [7]. Очевидно, что по мере расширения методологического диапазона существующий в историографии спектр концептуальных подходов к проблеме репрессий 1937 года будет пополняться и в дальнейшем.

Примечания

1. Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10-27; № 7. С. 3-16; Он же. Политические репрессии в СССР // Россия. XXI. 1994. № 1-2. С. 107-125.
2. УГТУ – УПИ: очерки истории. 1920-2005. Екатеринбург, 2005. С. 66.
3. Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997. С. 328-329.
4. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 210.
5. Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. С. 391-395.
6. Горин М.М., Дощенко Е.Н. 30-е годы // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 202-203, 213.
7. Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1901-1939). Опыт беспристрастного исследования. М., 2001. С. 315.

Н.В. Семяник (Тюмень)

Реабилитация жертв политических репрессий 1930-х гг. в Тюменском крае (1950-1990-е гг.)

Работа по пересмотру архивно-следственных дел и реабилитация лиц, репрессированных за «контрреволюционные преступления», началась осенью 1953 г. и особенно активизировалась после выхода 19 августа 1955 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в ст. 3 Указа ПВС СССР от 1 сентября 1953 года “Об упразднении Особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР”» [1], позволившего президиумам областных судов пересматривать решения внесудебных органов.

В соответствии с Указом ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. и Постановлением бюро Тюменского Обкома КПСС, в мае 1954 г. была создана Тюменская областная комиссия по пересмотру уголовных дел на лиц, совершивших контрреволюционные преступления, которая приступила к работе в июне того же года [2]. Необходимо отметить, что реабилитация в Тюменском крае, как и по всей стране, проходила волнообразно и имела два основных этапа:

1) 1954-1961 гг. – первая волна реабилитации, связанная с изменением партийной линии в условиях «хрущевской оттепели»;